

И. Зузанек
(Прага)

О ДРУГЕ И ОДНОКУРСНИКЕ

И с тех пор и в радости, и в горе,
На мгновенье лишь сощурь глаза...

С Юрой Новиковым я встретился в далеком 1955 г. на первом курсе филологического факультета МГУ. Он жил в общежитии в Новых Черемушках, а меня как иностранца поселили со студентами-третьекурсниками на Стромынке. Мне хочется верить, что я причастен к тому, что Юра стал фольклористом. Дело в том, что на Стромынке я жил в одной комнате с Толей Филатовым, который мне рассказал о фольклорных экспедициях в Карелию. Экспедиции эти, по следам братьев Ю. и Б. Соколовых, организовала их ученица, замечательный педагог и человек Эрна Васильевна Померанцева.

Меня более, чем к фольклору, тянуло к великим писателям XIX в. Дипломную работу о раннем творчестве Льва Толстого я писал у Николая Калининковича Гудзия. Но фольклорная экспедиция привлекала возможностью познакомиться с русской глубиной. Хоть я и был иностранцем «из дружественной страны», но для поездок в другие города или места нужно было получить разрешение, а тут представилась возможность побывать в одном из интереснейших мест русской истории и быта. С Юрой Новиковым мы часто готовились вместе к экзаменам, и я поделился с ним своими планами. Впрочем, об интересных лекциях Владимира Ивановича Чичерова и семинарах Эрны Васильевны Юра мог узнать и от других. К этим двум преподавателям тянулась талантливая молодежь.

Итак, летом 1956 г. мы с Юрой Новиковым отбыли в фольклорную экспедицию. Из Петрозаводска на пароходике нас довезли

до острова Кижы, мы побывали в знаменитом соборе, ночевали в доме Ошевнева, а потом разъехались по деревням, разбросанным вокруг Онежского озера, названия которых уже не остались в памяти, но сохранились в записях. В одной из них значится, что в деревне Посад, у Ольги Васильевны Потемкиной, И. Зусанек (автор этих строк), Ю. Смирнов и А. Филатов записали сказку «Про ерша». В те времена диктофоны были редкостью, и мы записывали сказки и былины в две или три руки — каждый по одной строчке.

От этой экспедиции остались незабываемые впечатления. Тишина над Онежским озером, какой я, может быть, уже не встречал в моей жизни; встречи со старушками, которые, рассказывая сказки, поили нас чаем и угощали морошкой; рыбная ловля с Юрой... Рыбы было много, клевала она на какую угодно насадку, но комары нас кусали нещадно. Осталось и чувство грусти от вида полупустых деревень и когда-то нарядных, но ныне полуразрушенных бревенчатых домов и церквей.

Свое детство я провел в Харбине и иногда говорил московским друзьям, что в отличие от них жил в дореволюционной России. Приходилось объяснять, что Харбин в конце 30-х и начале 40-х годов был наполовину русским городом, в котором время как бы остановилось: Крещенское купание в проруби, Торговый дом Чурина, Женская гимназия Асаковской... Вот и в Заонежье на меня дыхнуло стариной. В каком-то смысле эта экспедиция была шагом в прошлое. Ведь мы шли не только по следам братьев Соколовых (1920-е гг.), но и их предшественников — Рыбникова и Гильфердинга, которые записывали былины в «Исландии русского эпоса» в 60-е и 70-е гг. XIX в. Мы были свидетелями, быть может, последнего этапа бытования народного творчества, уходящего корнями в далекое средневековье.

После летней экспедиции 1956 г. наши с Юрой академические интересы разошлись, но дружба сохранилась. Как это часто бывает, человеческая память сохранила очень разные эпизоды этой дружбы. Юра мне напомнил, как он будил меня по утрам, чтобы подготовиться к очередному экзамену, а я доказывал, что хватит времени это сделать, даже если я встану попозже. Я же вспомнил эпизод на Ленинских горах. Мы жили на девятом этаже зоны «Г» в двух смежных комнатах, разделенных общим простенком. У каждого из нас стоял радиоприемник, по которому вещало университетское радио. Его отключали на ночь. Как-то в раннюю рань я проснулся от громкой передачи из соседней комнаты. Пару минут я ждал. Думал, что Юра выключит. Но пришлось встать. Заглянул в соседнюю комнату — Юра спал

сладким сном, а прямо над его головой гремело радио. Пришлось разбудить его.

Мы продолжали переписываться и после окончания университета. Мои интересы переместились от истории литературы к истории читателей, а потом к социологии культуры и свободного времени. Иногда я в шутку говорю, что мои новые увлечения в общем-то не слишком далеко увели меня от фольклора. Если английский термин *folk-lore* (народная мудрость) или немецкий *Volklehre* (народный обычай) поменять на *folk-time* или *Volk-Zeit*, получится, что то, чем я занимаюсь, можно назвать «бюджеты времени» (*time use*), а проще — изменчивые ритмы нашей будничной жизни.

Пражская весна и последовавшая за ней холодная осень нас надолго разлучили. Я оказался в Канаде и снова встретился с Юрой и Броней Кербелите в Вильнюсе только в начале этого тысячелетия. Приятно было вернуться в прошлое. Юра, конечно, блестящий специалист в своей области знаний, но с ним интересно говорить не только о фольклоре, он не заиклен на нем. С Юрой можно поговорить о жизни, о политике, о литературе и о рыбалке, не переставая удивляться его осведомленности и здравому смыслу.

Как-то я перечитывал «Войну и мир». В памяти остались эпизоды: князь Андрей на Аустерлицком поле, «преображенный дуб», млеющий в лучах вечернего солнца, Наташа Ростова, танцующая под гитару в деревне у дядюшки. Мы говорили с Юрой по скайпу, и я его спросил: Юра, а ты помнишь эпизод с Наташей Ростовской у дядюшки? Юра, ни на минуту не задумываясь, процитировал мне строчки: «Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух, откуда взяла она эти приемы?»

А вот другой эпизод. Я писал главу о немецком философе Иосифе Пипере, авторе памфлета «Досуг — основа культуры» (*Joseph Pieper, Leisure. The Basis of Culture, 1952*). Пипер критиковал трудовозависимость современного человека-трудоголика и в поддержку своей позиции процитировал русскую пословицу «От работы не будешь богат, а будешь горбат». Я спросил Юру: а нет ли в «народной мудрости» противоположного суждения? Так в моей главе появились пословицы «Труд человека кормит, а лень портит» и «Без труда не вынешь и рыбки из пруда».

Юра был и остается моим лучшим другом. Когда я о нем думаю, то в памяти всегда почему-то всплывает то далекое далеко, где мы сидим с ним рядом на берегу Онежского озера и куда очень бы хотелось вернуться.